

Архивные материалы к документальным фактам - 1996 - 1-93

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

К И Н О З А Л

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Феллини и телесериалы

БЕСКОНЕЧНЫЕ сериалы, которые показывают телевидение, в моем сознании все спутались, переплелись, и я уже не в силах отличить один от другого. Ленты, сусальные и безвкусные, завладевают нашими душами. Безликие персонажи становятся нашими национальными героями. Посредственные артистки, героини этих картин, кумирами. Они приезжают к нам, и толпы людей готовы их разорвать на части от восторга. А когда умер истинно великий гений по имени Федерико Феллини, не могу сказать, что совсем ничего не было по телевидению и в прессе, но соразмерно ли? Или наш, отечественный гений - Смоктуновский. Не думаю, что все мы, вместе взятые, поняли, что произошло. Он был настоящий гениальный человек. А это так редко. Мы девальвировали слово "талантливый". Но иногда, в трагические моменты, обнажается подлинный смысл подобных слов. На похоронах Смоктуновского во МХАТе к микрофону вышла прощаться замечательная актриса Людмила Касаткина и негромко сказала: "Умер король!.." И это была правда. Гений умер! А мы? Пустеют улицы, когда запускают какую-нибудь очередную телешараду или "мыльную оперу".

В 1963 году на Московском кинофестивале мы встретились и подружился с Федерико Феллини. В тот момент происходила борьба вокруг его гениальной картины "8 1/2". Для меня эта картина определила целый этап в развитии кинематографа, а может, и мирового искусства в целом. До "8 1/2" было одно, а после "8 1/2" - совершенно другое. Так мне кажется. Как ученые-физики расщепили ядро и высвободили атомную энергию, так в искусстве Феллини разложил на молекулы человеческое сознание и высвободил колоссальную энергию. Этот гигант с величайшей картиной приехал в Москву на фестиваль, и вдруг возник вопрос: кому давать главный приз - ему или фильму на рабочую тему "Знакомьтесь, Балуев".

Чухрай был членом жюри, он бился за Феллини, носился мокрый, как мышь, по Центральному Комитету партии, Комитету кинематографии и прочим организациям. А мы в это время - я, Алов, Хуциев, Абуладзе - сьёжались с Федерико Феллини. Мы таскали его по всяким московским закоулкам, показывали неформальную Москву, которую не видел не только он, но даже многие коренные москвичи. Ему это было чрезвычайно интересно.

Но, развлекаясь, мы тоже принимали участие в чухраевской борьбе. Как-то, поймав министра Романова, который очень настаивал на том, чтобы рабочая тема была отмечена главным призом, мы стали убеждать его, что Феллини - гений. Балуев-то как раз был рабочий человек, считал Романов, а Феллини, может, и гений, но "непонятно что". Говорили, что Романов тогда сказал замечательную фразу про "8 1/2": "...Оставляет печальное впечатление, несмотря на веселые танцы в конце". Но я это собственными ушами не слышал, поэтому не ручаюсь за достоверность. Мы тогда предложили министру очень хороший компромиссный вариант: дать главный приз Феллини, а фильму "Знакомьтесь, Балуев" дать приз "За лучшее воплощение образа Балуева на экране". И все же "8 1/2" получил Гран При, и тем самым Московский Международной кинофестиваль стал лучшим киносмотром тех лет.

После этого я часто встречался с Феллини, когда приезжал в Рим. А года за два до его смерти произошел очень странный и печальный разговор. Мы шли из ресторана через площадь Испании на улице Маргута, 110, где он жил. И Феллини сказал: "Мой зритель умер. Я стал неинтересен". А между тем в это время к нему подходили толпы людей, брали автографы даже больше, чем у Джульетты Мазины, которая была с нами. И мне показалось, что это - кокетство. Я ему об этом сказал. Он ответил: "Они знают, что есть такой Феллини. Обо мне много писали, показывали по телевидению. Они знают мое лицо. Но картины мои им неинтересны. У них жажда переключать каналы телевизора. У них другое сознание. А я, как одинокий самолет - взлетел, а аэродрома нет". Это были страшные слова. В последние годы у него было это чувство одиночества.

О министрах и цензуре

РАНЬШЕ были министр и цензура. Теперь - полная свобода, к которой мы оказались не готовы, растерялись. Никто ничего не запрещает - снимай что хочешь! Но появился другой карлик с большим бичом в руках под названием "рубль" или "доллар". Он посильнее министра. Министра можно обмануть. У нас была целая система. В этой комнате, где мы сейчас сидим, работали Тарковский, Хуциев, Швейцер, Гайдай, Карасик, Самсонов... И здесь у нас висела такая схема обманов. Мы знали, как можно обмануть того или иного чиновника, опираясь на свойства его характера, ситуацию и т. д. Например, с нашим фильмом "Мир входящему" была такая история. Мы с огромным трудом запустили его и тут же наткнулись на министра. Он был очень твердый мужчина, не выговаривал не сколько букв. Но это вообще было свойственно многим нашим руководителям. Они очень люби-

ли не выговаривать буквы. И министр Михайлов категорически потребовал, чтобы съемки были прекращены: "Да вы что? Кому такое нужно?" Как только мы вышли из его кабинета, мудрый Алов сказал: "У нас все готово к экспедиции - немедленно сматываемся отсюда! Авось, его снимут. Ходят слухи, что его жена что-то не поделила с женой Хрущева". И мы немедленно погрузились в состав и уехали в Калининград, где мгновенно приступили к съемкам.

Никто на студии не мог понять причин этой поспешности. А мы все время ждали телеграмму о запрете съемок. А через какое-то время выяснилось, что Михайлова действительно сняли и назначили Фурцеву. Мудрый Алов был прав. Таким образом, картина "Мир входящему", которая впоследствии поехала на XXII МКФ в Венецию и получила там приз за лучшую режиссуру, приз за абсо-

"Слишком правдиво". Веласкес вынул из Папы, "искитил из тьмы" души этого человека то, что он хотел бы скрыть. И хотя Папа был раздражен, он заплатил сполна, потому что понимал, что перед ним художник, который делает свое дело. И поэтому государство должно повязать себе на глаза повязку - не подглядывать! - и вы- делить деньги на культуру.

Да, конечно, не все будет получаться. Будут и плохие картины. Тут ничег не сделаешь. И не надо впадать в уныние. В свое время кто-то сказал: "Лучше меньше, да лучше!" И стали делать 5 картин в год. А когда уже решили снимать больше картин, то тогдашний министр Большаков (любопытный был господин, слово "кинематография" не выговаривал, говорил "кимграфия") заявил с трибуны: "В нашей советской стране в будущем году будет выпущено сто картин!.." Сам испугался этой цифры, замаялся, запнулся и добавил тихим голосом: "И обе хорошие..." Вот такая была сильная психология малокартинья.

Если сейчас у нас будет малокартинье, то кинематограф просто умрет. Ему необходимо пространство! Когда Эйзенштейна спросили, сколько нужно времени, чтобы выучить режиссера, он сказал: "300 лет". Это шуточная фраза, но в глубине ее пульсирует правдочка. Это - редкая профессия.

Сейчас я снова веду курс в Институте кинематографии. Я смотрю на своих студентов, и мне их жалко. Как они могут сейчас снять картину? Кто им даст денег? Я еще могу пойти к каким-то бизнесменам, поговорить с ними, договориться... А они? И актеров надо взять интересных, и платить им хорошо. Знаете, как у меня снимались Джигарханян, Белохвостикова и Смоктуновский? Год назад, когда мы начинали картину, им было положено платить 22 тыс. рублей за съемочный день по государственному расценкам. А они могут сняться в клипе и получить за день приличное количество долларов практически за одно свое присутствие. Я сказал тогда: "Ребята! Я не могу вам платить столько, сколько вы стоите. Могу только так, как вас оценило государство, - в пять раз меньше уборщицы. Вот такая ситуация. Вы можете отказаться и будете правы, я не обижусь, но моя картина без вас будет во много раз хуже. Вы должны решить: будете вы сниматься у меня, по сути, бесплатно? Сколько вам дать на размышление?" "Ни секунды! - сказал Джигарханян. - Снимаемся".

О том, почему нужны безумствующие индивидуальности

ПОДРАСТАЕТ новое поколение кинематографистов. Со своим режиссерским курсом во ВГИКе я попытаюсь построить учебный процесс совершенно по-новому. Не знаю, что из этого получится, но я хочу их всех сразу взять на "Мосфильм", на производство, к себе на картину. Так нас учил Савченко в свое время.

Он один раз в своей жизни набрал курс: Параджанов, Хуциев, Озеров, мы с Аловым, Файзиев - ни одного человека, похожего! Савченко нас называл "конгломерат безумствующих индивидуальностей". Его целью было в каждом развить что-то свое, неповторимое. Он говорил: "Хоть криво, но сам!" Это был принцип. И он с первого курса взял нас к себе на картину. Больше такой практики ни у кого не было. И мы у него все время вертелись, исполняли любые роли - ассистентов, чернорабочих, реквизиторов... И - радостью, бесплатно! Сейчас другое время. Поэтому, конечно, мои студенты не будут исполнять всех обязанностей. Ну если только они сами захотят что-то сделать, что-то больше...

Кстати, о "прибить". Я был на съемках у Феллини. Так он прогнал с площадки рабочих-декораторов. Он, в синей блузе, волочил за собой такой длинный табурет, присаживался на него и смотрел. А эти двое никак не могли прибить какую-то вывеску. Он начал орать на них. А они - на него. Короче, он их выгнал, сам полез на эту лестницу, прибил - еще кривее, чем они, и сказал: "Вот теперь - прямо!.." Какая-то суматоха была на этой площадке - общечеловеческая кинематографическая неразбериха. И там мне показалось, я почувствовал, откуда идет итальянское Возрождение, в чем его сила. Феллини - грузный, молодой - играл на этой съемочной площадке, как ребенок! И эта радость игры пронизывала все, давала ощущение творчества, которое разлило всюду!

За 2 года до смерти Феллини почувствовал страшное кинематографическое одиночество и какую-то даже ненужность. Ошибочную, как я утверждаю, потому что он - гений! И если даже он на секунду оказался прав, если не сейчас, все равно наступит время - через год или два, когда у зрителя появится другой интерес. Он станет интересоваться другими фильмами, глубинной сокровытых там идей, глубиной столкновения человеческих эмоций, тем, какая у Смоктуновского на лице прошла тень, как он руками закрыл лампу и какие у него прозрачные пальцы...

Записала Светлана КУЗИНА

Не стоит подглядывать за художником...

Есть люди, которых не хочется перебивать. Таким в разговоре оказался Владимир Наумов. И так родился этот монолог о кино, о замыслах, о времени.

лотно лучший фильм на конкурсе и вне конкурса, и потом еще собрала много призов, была снята нелегально, по недомоту. А попросту говоря, потому что поссорились жены больших начальников.

Когда-то давно, во времена глубокого застоя, в объединение, которым руководили мы с Аловым, пришел Тарковский и сказал: "Ребята! Если запустите меня с "Рублевым", я тут же перехожу в ваше объединение". И мы без секунды колебания ответили: "Запустим!" Как больная собака безошибочно находит траву, которая лечит, так Тарковский знал, куда идти. И из шести объединений "Мосфильма" пришел к нам. Долгие месяцы мы, и не только мы, пробивали сценарий. Ходили к министру Романову, который был, кстати говоря, очень добрым человеком. Он страдал, краснел, мучился и... боялся, что положит на стол партбилет. И все же... запустил картину!

О кино и деньгах

Я ИНОГДА думаю: если бы сейчас пришел Тарковский, сел бы опять на то свое место и спросил: "Запускаем?" Что бы я ему ответил?.. Никто бы мне не запрещал, как в те далекие годы, но на пути встал бы господин рубль. Где взять деньги на такую картину? На сегодняшний день она стоила бы миллиардов десять. Кино сейчас нерентабельно. И по законам рынка его надо закрыть. Но что - рентабельно? Разве важна только денежная прибыль? А человеческая душа? Нет ничего рентабельнее искусства, потому что оно формирует человека, общество, нацию. Если государство считает, что кино не нужно и надо его закрыть, то оно - самоубийца. Великих кинематографических держав всего ничего: Россия, Италия, Америка и Франция. Ну и еще пара-тройка. Все, кроме Америки, тоже находятся в тяжелом положении. Но если наше государство считает, что кино в великой кинематографической державе все-таки должно сохраниться - проснитесь и дайте то, что обязаны. Не милостыню, а то, что положено.

Я понимаю: там прореха, там не хватает, тут голодные... Но культура все-таки должна быть! Подумайте, посидите, если не умеете обеспечить культуру, дайте нам возможность самим это сделать! Освободите от налогов, вообще дайте режим наибольшего благоприятствования. Ведь есть же госзаказы, слава Богу, есть так называемая финансовая поддержка государства. Но у нас она смехотворно мала. Надо бы раз в 100 больше! Вспомните историю искусства: никогда глыба карарского мрамора, из которого Микеланджело сделал Давида, не попала бы в руки Маэстро без поддержки! Но это не значит, что власти должно нравиться то, что мы делаем. Независимо от этого она должна давать деньги на культуру.

Папа Иннокентий X заказал портрет Веласкесу. Когда тот закончил портрет и показал, Папа испытал странное смешанное чувство. Он сказал потрясенную фразу. Думаю, это одна из самых кратких и точных рецензий. Он сказал: